РОМАНЪ

безъ

РОМАНА.

P19Cp II 844/1.1

PI 644

РЦ644
8588
РЛЭСФ II 844/1.1

РОМАНЪ
безъ
РОМАНА.

ШАЛЬИВЫЙ РОМАНЪ.

составлѣнъ
одъ
Іоанна С. Поповича.

6539

Частица Прва.

СН. 836

У НОВОМЪ-САДУ,
Писмены Павла Іанковића, ц. к. Типографа.

[1832]

Инв. бр.....

Пречестнѣйшемъ Господину

СТЕФАНУ ПОПОВИЋУ,

Архімандріту

С. Арх. Монастыра Ковиля

своме почитаемомъ Пріятелю

Ingenium cui est, cui Mens divinior,
atque Os magna sonaturum

за знакъ спомена

дѣлце ово посвећує

55-39

БИБЛИОТЕКА
МАТИЦЕ СРПСКЕ

Сочинитель.

Муза моя любно Теби
Милый Друже, диже Споменъ,
Ал' є лепшій онай Споменъ,
Когъ самъ, Друже, дижешь себи.

Лепшій, єсте онай Споменъ
Кад' посред' наро́да многа
Любка сяйность слова Твога
Удывленя диже Споменъ.

Лепшій єсте онай Споменъ,
Кад' бистротомъ ума Твога,
Кад' ревностю духа Твога
Роду своме дижешь Споменъ.

Нек' се Споменъ Твой огледа
У Спомену милогъ Рода,
Нек' цветъ цвету любкость дода,
Тако общій венацъ цвета.

ДИМИТРИЈЕ П. РАНИСАВЉЕВИЋ
PANCSOVA
ПАНЧЕВО

Предговоръ.

Кадь бы се по начину гдикои Списателя хотео фалити, я бы могао с' прозопопеомь навести, да є ово дѣло прво овогъ рода на Србскомь єзыку, да самь особитый трудъ радећи га, положіо, и пр. потомь бы могао читавъ табакъ напунити, представляюћи ползу, кою ће Родь изъ ове кньиге поцрпсти. Све ове, и овима подобне, коє никомь ни мрве непомажу, знатне маленкости оставлямь онима, коису више одь мене о труду своме уверени; а я, кад' се у Предговору штогодь важно казати мора, само наводимь, да моє дѣло ништа друго у себи нема, него оно, што Латинь каже **sales et facetiae**, Немацъ **Witz und Laune**, а Србинь — мы дао богъ овы речій и немамо. Некъ ій преводи свакій, како му на єзыкъ дође: шала, досетльивость, или лакрдія, мени є све эдно.

Међу тымъ морао самъ конацъ и намѣрснiе имати као и свакiй, кои нeће да є лудъ, при почетку настоящегъ дѣла, и ово моимъ читательма за доказати, морамъ малко путемъ Александровимъ. Одъ кадъ є овогъ нашегъ, као што га видимо, света, пакъ до садъ, и докле годъ людiй буде, было є, има, и быће Моралиста, кои непрестано на люде вичу, псую, и прете, и с' тріпода представляю имъ њове погрешке, пакао и громъ подижући, да своимъ сувымъ речма већу важность придаду. Но по срећи или несрећи — оћемол' своиски да се искажемо? — светъ (осимъ малогъ скока) далеко непада одъ свое кладе. Самъ Стоикеръ, кои тако лепо н. пр. о гнѣву говори, псує у своiой кући болѣ, него и єданъ лаћаръ, и све оне пороке у већои мери показує, него што є код' сосѣда свога примѣчавао. И тако мыслимъ, а и свакiй ће, разма ако є старъ, потврдити, да є данасъ онакавъ истый светъ, као што є было, кад' се онай славанъ Поета тужiо: **Aetas parentum pejor avis tulit nos nequiores mox daturos progeniem vitio siorem** (Наши су оцеви гори одъ Де-

дова были, мы смо одь ньи, а наша деца іошть гора одь насъ.)

Ово напредь поставивши, моимъ пріятельма, и непріятельма явити имамъ, да ме є Мати, како є видила у мене мужко дете, на Књигописанѣ опредѣлила, и ова є страсть тако у мени укоренѣна, да ме ни рѣаво здравлѣ, ни слабость очію, ни друга внѣшня притискиваня одь тога отвратити не могу. Да я до конца живота моја, или болѣ да кажемь, докь не ослепимь, Списатель остаємь, то є известно, и читательи нек' се ни найманѣ не ужасну, што претимь, да ћу и више Књига издати. Но питанѣ є (управо я самь самь себи пре два месеца ово предложіо) шта ћу да пишемь, да опеть колико толико Зеванѣ не приузрокуемь? Оћу ли Моралистама подражаваюћи одь дебљи Књига танѣ правити, и о ствари, коя є сто путій представлѣна, опеть, суво, ал' с' помпомь споминяти.

Lachen und Luſt ſtärken die Bruſt; Laben das Herz, dämpfen den Schmerz. Случайно ове непознатогь ми Ауктора речи доведу ме на размышленіе, и дугимь тумаранѣмь

научимъ, да смей и шала, особито на младомъ лицу лепше стои, него намрштена, ако ће одъ какве важности быти, озбильность. Смей и шала, каже Галенъ, нужна є за здравлѣ, продужава животъ, умекшава нрави, и чини, да се човекъ одъ човека, као ружа одъ чичка разликує.

И ево читателя после ови страпутица к' намеренію мога писаня. Смей и шала друго ништа ніе овде за нѣга зготовлѣно. И ако се кои и такавъ догоди, коме є мозакъ с' паучиномъ отъ полакъ прста злобе, пакости, ненависти и незадоволства покривенъ, таквомъ іошть на пред совєтуемъ, да ову Книгу изъ руке бацы. Нађелисе пакъ какавъ Діогенъ, кои ће ме сожальивати, што самъ и погди кою лепу ствар у моє Лакрдіє умешао, представляюћи да є Апаѳія (нечувствителность) найприличнія за ученогъ човека, таковомъ поредъ благодарности на вниманію моє особе явити имамъ, да се мени ништа већма ніе допало, одъ оны хорацієви речій: **Ridentem dicere verum quid vetat?** Коће забранити шалѣивцу истину казати? А што се Апаѳіе тиче, признати морамъ,

да я са жалостнима плачемъ, а с' веселима певамъ, ил' ми се оће нл' неће, па ко зна болѣ, широко му полѣ.

Далѣ моимъ Г. Критицыма, Антикритицыма, Момусима, Зоилима, и свимъ коегъ му драго чина и достоинства Рецензентима явити имамъ, да є главнія черта мога темперамента Меланхолія, и да є дѣло ово по найвише у она времена писано, кадъ є духъ Сочинителя найвећомъ жалостю обременѣнъ бѣю. Како то може бити, и оће ли ово положеніе революцію у каквой Системи причинити, я о томъ ни найманѣ неразбіямъ главу.

Препоручующи се наклоности Читателя и Читательница, тоће рећи, молећи, да моє Кньиге радо и млого купую, єсамъ с' почитаніемъ

У Вршцу
1 Априліа 1832.

всенижайшій Слуга
Сочинитель ср.

Вступленіе.

Читательи, доста самъ васъ с' жалостны романи мучіо, доста сте морали ецати и плакати, и ахова и охова, и ухова преко очію прометати, данасъ ћу да вамъ представимъ єдногъ юнака, кои є само за юначкимъ стварма тежіо, пуцао, трчао, яшіо, и, на заповесть судбине савъ светъ обишао, нота бене, по мапи.

„То ће быти нека епопея?“ Управо. Већъ є Пропозиція совршена, сад' іошт' Инвокація, пак' таки да се сече и пуца. — Али таки при почетку мога Сочиненія напада ме недоумћніе, кога бы я, по обычаю призвао, да ми ово тежко дѣло свршити помогне. Музу? — шит' іой знамъ кућу ни кућиште, ни тко іой є отацъ было, ни шта іой є мати. —

„Охо Г. Списатель, шта є то? толико сте Кньига издали, па се нестыдите казати, да

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ У НОВОМ САДУ

штогодъ незнате. То бы по нашемъ мнѣнію найболѣ было таки с' почетка перо оставити.“

Вы сте врло строги Господо моя. Я истина занатъ Списателя водимъ одъ седамъ година, и трудимъ се дознати, што се годь дознати може, али о Музама незнамъ ништа постояно казати, єр' я у оно време нисамь био на свету, кад' су Музе и Граціе, и Юпитери, и Аполлони на Олумпу владали. — „А како други знаду, и призываю, ій у помоћь?“ Има людій, кои гледе, да су у свачемъ одь другій отличніи. Колико ій паштесе дознати, колико зрна кукуруза на месецъ цела Европа троши, а свом њиву напунитаю, те се мишјеви легу. Гледе какви духови по атмосфери пребываю, а не познаю траву, коя имъ увекъ у очи нада. Знаду, колико є фамилія велики и мали и средны Богова код' Грка и Римляна было, а не познаю средства, коя бы њово, и њовы ближњи благополучіе подигло и подранявало. Говоре о стварма, и єзыку, кои се само у Књигама находи, и свађаюсе, єл' царствовало дебело єръ пре тысућу година у Славенской Литератури или не, а воспитаніе свое деце служкињама оставляю.

Но шта є то Инвокація? (чуємъ моє Читателѣ пытати, и примѣчавамъ, да є врло паметно, кад' Списатељи наши мешаюћи Латин-

ске, Немачке, Француске и Енглеске речи доказую пред' светомъ, да су учени) Инвокація є фігура єдна, али не фігура у картама, нити фігура у мазуру, нити фигура, кад' тко прави фігуре, него фігура у стіхотворству, гди се какова сила призывлѣ, коя ће слабость ума Сочинителѣвогъ подкрѣпити, и помоћи, да дѣло свое лепше, него што уме, довриши. Добро бы было, кад' бы Списатели више учећи и читаюћи, себе за писанѣ справляли, негол' немарльиво на друге осланялисе; но кад' се мора сила призывати, куд' ће веће силе од' віна, кад' од' єдногъ предмета начини три, и обори найячегъ човека. Ню ћу дакле я инвоцырати, уверенъ: да се стараць Юпитеръ за то неће наћи увређенъ, єр' є и онъ често поредъ Нектара бригу растеривао, кадъ бы му люборевнива Юно рена подъ носъ натрла.

Призываніе гласи овако: Ты, коя си кодъ Чивута одъ Ноя, кодъ Грка одъ Бахуса, кодъ Римляна одъ Силена, а кодъ Србаля одъ Краљевића Марка пофалѣна, и представлѣна, да срце човеку веселишь, и всевозможномъ храбростю пунишь; коє ћуталицу Ораторомъ, простака Историкомъ правишь, и чинишь, да твою силу познавши нико не мысли да штогодъ незна; любима течности, половаче Майданскогъ віна — ты ме твоіомъ благомъ

великомоћномъ силомъ укрепи, даруй ми снагу, да сркутаюћи тебе, срећно мое дћло радимъ и довршимъ. Я ћу се онда као соко дичити, ер' ћу награду добити: „Ахъ, ала е ова Књига лепа! „или:“ тай човекъ добро ради! — Шта осећамъ, или снивамъ, напіо самъ се віна, почео самъ летити? Вінка лозића по бокалу браћо, вы знате, како е, кад' се почне кућа окрећати, мора човекъ да иде на Олумпъ.

Текъ што сунце величественно зарну свою главу изъ нћдра Аурore дигнувшій, великолћпны свои Зрацы све поверхности земне предмћте озари, и животворну силу на цвеће и усеве, и на пестреновидне ливаде, коихъ роса као драгоцћный Діямантъ любопытномъ оку представлясе, пусти; — текъ што естество затруби, и радостнымъ птичице гласомъ ратаръ на свою њиву, пастыр' с' овцама на ливаду поити — нашь младый Романъ, кои е петнайсту годину већь навршіо быо, оседлавши коня, коега нюшка дымъ издаваше, и копыто варнице крешаше, пође крозъ предћлъ Егупетъ. —

„Г. Сочинитель, опростите, што вамъ жустрину прекидосмо. Вашь юнакъ од' шеснаисть година уяшіо коня, пакъ бега; Мы садъ за њимъ да трчимо, а и непознаемо га. Припо-

ведите намъ найпре, тко є онъ, и одъ куда є, ел' одъ велике фамиліе, колико му отацъ оставіо новаца, каквогъ є стаса, оће ли се моћи оженити и пр. то мы напредъ знати морамо, ако мыслите, да трчимо за њимъ, иначе мы нећемо зеца у шуми.“

Любезни мои читательи, я видимъ, да є ваше зактеванѣ праведно, али я вашой жельи удовлетворити не могу, изъ млоги причина: прво, што незнамъ ништа о томь. Истина млоги пишу и говоре о ономъ, о чему ни понятія немаю, али то су само учени люди; или назови філософи, одъ кои ништа сакривено ніе остало, кои свашта знаду, и кои се у разговоръ упуштаю, и не разбираући, какавъ є предметъ истогъ разговора. — Но међу тымъ, да бы ваше зактеванѣ задовольіо, кое є честно и праведно, морамъ кньиге преметати, єр' тако се списатељи помажу. — Небойте се любезни читатељи, сад' ми башь паде єданъ старый рукописъ одъ времена Мусе Кесаджіе. Истина выше одъ полакъ су га мольцы и мишеви изгризли, али шта маримо мы зато, кад' онъ детинство и савъ животъ нашегъ Витеза подробно представля. Отуд' ће мо дакле мы ласно моћи вући, што годь намъ к' дѣлу нужно буде, а притомъ ће мо при свакой прилицы узвикивати, да є на-

ше Сочиленіе орігинал', и влашку ону нословицу за Мото ставити: Лауде ће гуре, ке яка пумну.

Ево дакле, како старый рукопись нашу повѣсть починѣ: У едномъ селу была е нека девойка, именомъ Рокса или Роксанда, тако лепа и умилята, да се дивотомъ целога предѣла праведно називала. Да е какавъ стіхотворацъ у исто време у томъ селу живіо, знамъ да ни една богиня не бы остала, с' коіомъ е не бы сравніо, и ямачно бы покте сви десет' прстію изгризао, док' бы нѣну красоту спевао. Да бы сотымъ мени посао одлакшанъ было, мыслимъ, да не треба споминяти. Но несрећомъ таковогъ у томъ предѣлу ніе было, ер' су башь онда сви, на кое е подозреніе, да лажу, пало, протерани были, и тако наша Роксанда морала е безъ похвале по сокацы свою лепоту носити. Но великоможна судбина, коя често дае човеку оно, што не бы желіо, друго е с' ньоме заключила. Єданъ младый Господичићъ, коега е отацъ зной млого людій у свой сандукъ исцедіо, желећи путешествіемъ себе облагообразити, дође случайно у исто село, гди е Роксанда пребывала. Обычно люди кад' у какво страно место дођу, распытую, како се у томъ предѣлу живи, гледе, какви су занати и рукодѣлія, и пр. но

млади Господичићи, кои путую да себе изобразе, или болѣ, избезобразе, и коима по джепу туђи дукати звекећу, са свимъ други меѳодъ у овой струки имаду. Нашъ Шандоръ, (то є име путнику, кога є кумъ Алексомъ крстіо) како дође у село, метне свиленъ пруслукъ на себе, углади косу, узме бичь у руку, и звиждући пође сокаком, на свакій прозоръ завириваюћи, тко тамо седи. Случайно опази Роксанду, и сасвимъ се восхити лепотомъ њеномъ. Онъ пође заньіомъ, у надежди искусити, тко є, и гди седи, но како се удыви, кадъ примети, ра є Роксанда путъ изъ села управила? Онъ усугуби кораке, почемъ се поля добави, и стигнувши Роксанду: „Лепа моя, куда тако намераваш, запыта є. Роксанда видећи изъ ненада лепо обучена младића, застыдисе, и поглед' земльи обративший: я идемъ оцу моме, одговори му смерно, кои се овде не далеко на њиви наоди. „Оћешь ли допустити, да те донде одпратимъ?“ Роксанда ништа не одговори, и нашь учтивый путникъ узме є подъ руку, и пође далѣ.

Кад' се какавъ прость момакъ у кою девойку залюби, онъ тражи свакояко прилику, да іой се| допадне, помаже іой у свакомъ случаю, и єдва сме изустити, да є милує. Но то простацы раде; млади Господичићи, коихъ

оцеви сво воспытаніе у томъ полажу, да су имъ сынови слободни, то ће рећи безобразни, са свимъ други начинъ имаду, кои є и нашь путникъ, као момакъ изъ высоке куће, врло добро испекао. — — — Случай є хотео, да се преко едне мале шумице проће, коє нашь благоображенія жельный путникъ на свою корысть употреби. Онъ изяви Роксанди, да се уморіо, замоли є да седну мало, и — —Любезни мои читательи, мени є жао, што вамъ не могу повесть довршити, ер' є башь овде морао какавъ пацовъ старый Рукописъ тако страшно изгризти, да се ни под' кои начинъ прочитати неможе. — Као што онай, кой є поверене себи новце синоћъ на карте изгубіо, сокакомъ оди, тако самъ я три дана у мысли удубљенъ блудіо, желећи докучити шта є пацовъ изгризао, но бадава, савъ мой трудъ и подвигъ бы суетанъ, зато свакомъ на волю оставлямъ, нек' толкуе себи, како оће, или како уме, или како достиже, (то ніе све едно). а я идемъ далѣ старый рукописъ превртати, кои придодае, да се нашь младый путникъ с' Роксандомъ венчао (опетъ мало изгрижено) да се прекрасно детенце родило (опетъ изгрижено) найпосле, да є Шандора на єданъ путъ нестало, зашто? то є изгрижено, да є — опетъ изгрижено.

„Доста. Г. Списатель доста, фала вамъ на Киьиги и аратосъ. Ево вамъ іошть форинте, само насъ не терайте, далѣ да читамо. Вы насъ поштено с' огрижайма пораниете. Све крпежъ, и огрижаи. Фала вамъ лепо, заповедайте и другій путъ с' Обявленіемъ на Пренумерацію, пак' ће мо се разговорити. А сад' доста; фала вамъ и опетъ на крпежу, и огрижинама.“

Любезни мои читатељи, с' крпежомъ се кућа држи, а огрижаи човека изъ неволѣ ваде. Тако на примеръ; кад' младићъ, кои є десетъ година у раскоштву живећи здравлѣ проарчіо, твдо представи у будуще умерено живити и свое већъ порушено тѣло мало выше штедити, да може іошт' кою годину поживити — ніе ли то крпежъ од' велике асне? — Кад' се жена, коя є после дуговремене кавге и свађе од' мужа отишла, ходатајствомъ' добры пріятеля опетъ мужу поврати, ніе ли то крпежъ, што кућу држи? — Кад' девойка, коя є десетъ и више година момка пробырала, најпосле, кад' сирѣчь просіоцы престану, заключи каквомъ удовцу руку дати, нису ли то пріятне за ню огрижине? А какве су лепе огрижине, кад' тко кога у рачуну омане, кад' ко лажльиву Облигацію начини, и другогъ до костію оглоби; или туђе иманѣ себи при-

свои, или карте забележи и другогъ превари? Какви су лепи огрижаи, кад' ко другомъ честь загризе, или кад' другогъ умешно оговара, или пріятеля с' пріятелѣмъ омрази? — Какавъ є лепъ крпежъ, кад' човекъ узыма на вересію альине, а конте не плаћа, кад' девойка, коя є иначе мала, штикле наручує, кад' човекъ свою ћелу парокомъ покріе и пр. и пр. Све ово любезни мои читательи доказує, да и крпежъ ніе за отметъ, и да є велика срећа кадъ се и огрижаи кад' кадъ у кући догоде.

Сад' айд'мо повѣсти, коя слѣдомъ старогъ рукописа овако гласи: Роксанда видѣвши себе мужкимъ чедомъ одарену, отиде мѣстномъ Свештенику, кои є за свою доброту оглашенъ быо, и одъ алфа до омега одкріе му сву повесть, што є пацовъ у рукопису изгризао, пытаюћи га за советъ, шта ће у овомъ станю радити. Свештеникъ, кои є башь онда Любомира у Елисіуму читао, саслушавши нѣну чудновату повѣсть, рекне Роксанди да ће одъ нѣногъ Сына знатный човекъ изићи, и препоручи іой, да га особито чува, и нечує. А будући, да се чуда особито у Романма збываю, закте Роксанда, да му се надене име Романъ, коє се и учини.

Пошто се торжество крештенія свршии, Роксанда узме своє Романче у наручія, однесе га

кући, и тврдо науми онако учинити, као што іой є добрый Свештеникъ препоручіо. Она почне своє дете сама доити. —

Немойте се узнемиривати Госпоя Предичка, я знамъ, шта вы оћете и одобравамъ, али шта можете зактевати од' єдне паорке? Истина, она, коя роди, а не дои, као што Стойковићъ вели, єсть само полакъ мати, но мода є найвећа Госпођа, вы знате и я знамъ, и ко се ньой не покорава, ніе ништа друго, него невоспытана клада. Вы се тѣшите само, што сте добро воспитани, и што децу вашу дойкиняма препоручуєте, а паорке оставите, нека паорски раде.

Да є младый Романъ свимъ грацїяма, лепотомъ, добротомъ, умомъ, и срцемъ украшенъ быо, мыслимъ, да не треба спомињати. Познато є изъ писма, и изъ повседневногъ живота, да има и таковы природе сынова, кои и благородство, и славу, и велико име, и све, што мы profani трудомъ задобывамо, чуднимъ мановенїемъ іошт' у колевки себи присвояваю. Међу тымъ є штета, што намъ млогопомењутый рукописъ обстоятелніе о нѣговомъ детинству не явля. Изъ тога можемо заключити, да Сочинитель истогъ рукописа ніе ни способности, ни критике имао, и опетъ се усудіо Списателѣмъ постати. Онъ

се истина у своmъ Предсловію извинява, што є примѣтіо, да понайвыше ђацы, кои у школу иду, да што науче, кньиге пишу, и за народне учителѣ себе издаю, пак' є мысліо, да онъ као старъ человекъ веће іоштъ право на то имати мора. Онъ напоследакъ тврдо мысли, да небы без' ползе было, кадъ бы се установило, да голобради ученицы одъ издавания своій Exercitia correcta престану, и да ни єдномъ слободно не буде Кньиге издавати, кой ніе 24 годину навршіо. Да є оиъ сотымъ и и овогъ Романа Сочинителю очитао Сентенцію, о томъ нико неће посумняти; но Сочинитель жели себе извинѣна видити, што реченый рукописъ у оно доба іоште ніе читао.

Желити бы међу тымъ было, да свакій Сочинитель, или Преводитель, или Подражатель или макаръ Писмокрадецъ дѣло свое баремъ 5 година у рукопису држи, и сваке године свой рукописъ найманѣ четыри пута прочита. Тако може се догодити, даће Сочинитель своє дѣло за сувопарно издати, Преводитель свою у томъ неспособность увидити; Подражатель истоветне речи онога, коме є подражавао, у своmъ дѣлу примѣтити, а крадльивацъ опоменути се, да краћа ніе дуговечна, и да іой се мора трагъ пронаћи.

Но бадава є желити. Желіо бы и я сваkомъ читателю по єдно аковче дуката, а ме-

ни два, па бы уверенъ быо, да бы ме више уважавали, него да Богъ зна како пишемъ. Но кад' нема, будимо задовольни с' онымъ, што имамо, прем' да и то ніе найболѣ правило; єр' ако имамо рѣаву ѣудъ, валя ли да будемо задовольни? ако упостельи радо до деветъ сатій смрдимо, требали, да будемо сотымъ задовольни?

Малый Романъ (по далшемъ рукописа известію) почемъ є трећу годину подпуно прешао, одведе га мати Свештенику, о комъ є горе речь была, и препоручи са сузама, да бы о нѣму бригу водіо, представляюћи му своє станѣ и недоскудицу, и Свештеникъ добра срца и тако, а особито не имаюћи мушке деце, узме га подъ своє. —

Ево га дакле подъ тврђомъ защитомъ, гди ће му дозволѣно быти себе више разпространити. Но Ромапъ и ніе быо дете, као што су обычна деца. У првой години показао є онъ свима, да особыта нека благодать на нѣму почива. Да ніе волшебница каква нѣга подъ защиту узела, мысляше мати. Но матери веровати, што о сыну говори, невидими се быти советно. Мати неке особите очи осимъ свію людій има, кад' на своє дете погледи. Она види дражести, коє су код' други непостижиме, види даре, коє други суетно тражи,

и раздае по вольи достоинства, и девойке, кое нѣму, по нѣномъ расужденію болѣ него млогима пристое; шта выше, видіо самь и такогъ вешати, кога є мати као очи изъ главе чувала, на кога є пазила, да га мува не додирне, и коме є тономъ Пчеіе не єданъ путъ, него свакій данъ пророчествовала, да ће быти великій Господинъ, ако му є оца слабо ко и познавао.

Но овай случай ни найманѣ Романа не дира. Онъ се ямачно назвати могао Кометъ, т. є. репата Звезда ондашнѣ, прећашнѣ, и, ако смемо казати, и будуће деце; єр' є тако нешто одъ себе издавао, да є свакій, како бы га видіо, морао внимателніе на нѣга погледати.

Прво свойство, кое се раніе млого од' други указало, было є Несташтво. Не само у месту, гди є онъ пребывао, него 20 миля у наоколо, приповедали су люди онѣму као о некомъ чуду, крстећи се и дивећи се єл' могућно да є то дете. Тек' што є ствари разазнати могао, нађе случайно єдну пчіоду, и примећившій да боде, науми увеселеніе себи сотымъ причинити. Обычна є столица одъ сламе была, гди є нѣгова помайка прела; Романъ майсторски забоде у ню пчіоду, окренувши вр' горе, тако, да кадъ сирота Бака bona fide седне, страшно ожежена ћипи, и почне яука.

ти. То є за Романа было медъ, и што є већій быо, то су и нѣгова дѣла већа была. Ретко є нѣгова помайка питу или завіячу сакрила, кою онъ небы нашао, или самъ, или ако бы му млого было с' децомъ поєо. Мачка у кући ніе нигда мирна была, нит' є дана прошло, кадъ є не бы онъ с' керомъ завадіо. Кадъ бы орая нашао, онъ бы знао све поєсти, и по томъ люске тако лепо сложити, да се често нѣгова помайка варала.

Може быти да я грешимъ, што детинска нашегъ Романа дѣла моимъ читательма представлямъ, али колико пута совршени люди коєшта чине, коє се само децы пристои; шта выше, колико пута данасъ свою децу оштро казне, што су юче сами, трипутъ цриѣ и горе чинили?

Кад' на 8. годину ступи, сама га природа на оно опомене, што му є судбина опредѣлила. Оружіе, какво є то за нѣга побужденіе! Онъ истина нигда ніе видіо войника, али само изъ описанія, коє му є нѣговъ поочимъ давао, тако страшну склоность, (ямачно по уредби судбине) осети, дає даню и ноћу мысліо како бы сотымъ своє увеселеніе нашао. Напосле єдно момче, коє є кодъ Свештеника служило, да' му у свему обстоятелніе известіе, начини му саблю одъ дрвета, справи му клобукъ одъ шарене артіе, научи га халб-

рехтсъ халблинксъ, коє є сам' у Солдачіи пріиміо, єднимъ словомъ о свему, што є войнику знати нужно, обстоятелно му понятіе да.

Нашь Романъ садъ текъ нађе елементъ свога живота. Овамо децо рекне онъ своимъ Содружцыма, сад' ће се играти. Сотымъ имъ искаже mysterium свои альина, начини и ньима таке исте, поправи имъ саблѣ, и цело се место узбуни, кад' ій почне коммандирати. Добрый Свештеникъ радовашесе, да ђе се нѣгово пророчество испунити. Эр' ко бы смео посумняти, да онъ неће великій некада войникъ быти. A teneris asuescere multum est. У детинству се мора учити онай, кои є радъ Сентенцію славногъ оногъ мужа, кои є при погледу непріятеля првый баціо оружіе, и почео бегати, целый светъ увереніемъ тресући: Dulce et decorum est pro patria mori. (сладко є за отечество умрети.) Истина и Демосѳенъ се у детинству у оружію обучавао, и после се за купину држао, али Романъ као Романъ-єсть (єданъ путъ за свагда) изятіе, коє никаквомъ правилу не принадлежи.

Међу тымъ нѣговъ поочимъ и за умъ му се постара. Онъ га одведе учителю местномъ, и препоручи га, да особито за нѣга бригу води, наставля га и чува. Ко є быо учитель, добро зна, шта є Свештеникова препорука за учителя у маломъ местанцу. Онъ таки Романа

начини найстаріимъ ћакомъ, и преда му прут' с' коимъ ће осталу децу упоредакъ доводити. За кратко време Романъ течно научи читати, и Свештеникъ размышлявати стане, шта ће далѣ с' ньимъ почети. Похвално є поведеніе оны, кои своє дете іошть изъ млады ноктію с' онымъ упознавати паште се, кое ће имъ потомъ у зрело доба кругъ дѣятелности бы-ти. Тако на примеръ, кои желе, да имъ сынъ трговацъ буде, непрестано му с' крайцарама око ушію звецкаю, представляюћи, како є тешко новацъ добити; добро га с' речма pro cent, per meso обучаваю, узаймлюю одъ нѣга неколико крайцара и после краткогъ времена то му исто с' интересомъ враћаю; уче га ту-жити се на рћава времена, уверавати, да є ствaрь црна, коя є бела и пр. Тко може по-сумняти, да од' овакогъ неће быти добаръ тр-говацъ? — Ко има волю, да му сынъ особы-тый філозофъ буде, или по немецки Freygeist, онъ му у детинству представля, да патка зато лети, што има крыла, да гуска ніе могла другояча быти него гуска, да є дуга дуга, а не качный обручь, упознае га са сустемомъ Бу-ридана, како Магарацъ изъ међу два пласта цркава одъ глади, а не еде ни одъ єдногъ ни одъ другогъ, будући, да обадва равнымъ нагo-номъ к' єлу вуку и т. д. — Ко жели унуке

БИБЛИОТЕКА ВАТИЦ... У НОВОМ САДУ

дочекати, с' особытимъ прилѣжаніемъ гои сына свога, свака три месеца дае га мерити, и ако се исчисли, да му є сыновно крмче с' неколико футій теже, него што є пређе было, сва фамилія веселѣмъ торжествуе.

То исто быва и код' женскогъ пола, ер' компліменте правити, савіяти се као лутка, стаяти као на жицы, чепити се, и као мишь изъ трица т. є. залюблѣно гледати, и пр. и пр. — То све мора Господична изъ младости да себи присвои, ако мысли Ероберунге правити. О простіима, кои свою Децу на посо гоне, овде ніе речъ.

Овомъ дакле похвалномъ примеру нашь Свештеникъ слѣдуюћи, науми свое питомче с' опредѣленіемъ упознати, и ел' могао болѣ намеру у дѣйство привести, него представляюћи му романе, гди ће свою судбину као у огледалу налазити? Све романе, гдигодь є наћи могао, доносіо є своимъ любимомъ питомцу, читаше му, и слаћаше му, да є ту найболѣ за човека увеселеніе, и — Романъ, и онако склонѣнъ на то, тако се залюби у читанѣ романтически кньига, да се ни у време ручка одъ ньи раставити ніе могао. Осимъ свію му се обаче найболѣ допадне Велимиръ и Босилька; тако по свету ићи, и толико землѣ нарочито Егупетъ безъ крайцаре ви-

дити, толико безъ муке трпити, да свою любезну іошт' лепшу, него што є была, нађе, коя є више готово, него онъ трпила — то є за Романа было увеселеніе, коє довольно ніе сместити могао. Онъ науми тврдо у робство се предати, гди ће Сына свога Господара у школу водити, од куда ће потомъ побећи, опетъ уваћенъ, и у туђу землю проданъ бити, изъ коє ће найлакше избавленія наћи, на галіи се возити, коя се одъ буре разбіе пошто га є кодъ некогъ острова донела — и. т. д. забављшесе с' правилама, по коима се безъ изнтія сви романи пишу.

И Робинзонъ Круссе на нђга не мало впечатлђніе учини. Толико година у пустыньи безъ людій, и потомъ стра одъ дивяка. — Онъ запыта свога поочима, гди су острови, на коима Дивяцы живе, да онъ к' ньима отиде, пак' да види, был' га смели заклати и изести.

Но кадъ другу часть Любомира у Елісіуму прочита, опетъ у свой првый Елементъ дође. Ахъ Бурямъ, Бурямъ! каква є то слава, како мачеви севаю, како щитови єче, брда се тресу, а онъ на коню и пешке лети, како непріятельи предъ ньимъ као муве падаю! тко ће нђгово положеніе описати? Онъ сожальиваше свога любимца Велиміра, да ніе

као юнакъ него као жена одіо, и у своmъ ентузіазму заключи и нѣга и Буряма, у єдномъ репрезентирати; т. є. по свету иѣи, али не єцати и уздисати само, и судбини нигда мира недавати, него свакомъ слободно у очи погледати, и гди нужда буде мачемъ се огледати. Ово є Идеалъ, кои є нашь Романъ себи достиѣи изобразіо, и я незнамъ, єл' болѣ изабрао него Дон Кишотъ и Новый Амадисъ.

Романъ є истина и новіе кньиге читао, као што є Райтаруша или ритна Детелина, као што є (я молимъ читателѣ за опрштенѣ што не могу слабогъ памтеня ради титулу точно да представимъ) но будуѣи да єу ове по найвыше копіе стары, никаково впечатлѣніе на нѣга не учине.

У оваковомъ упражненію, и у честом' ященю коня, кога є Свештеникъ найвыше нѣга ради купіо, стигне Романъ до шестнайсте године. Нѣговъ поочимъ помысли, да є доста кодъ нѣга быо, и да є време, да га собственой нѣговой судбини преда.

„Любезный Романе — овако му стане єдномъ после вечере говорити — Мановеніе є Божіе тело, да ты у мое руке доѣешь, и я самь те као моє роѣено дете пазіо. За тебе особита звезда сія, и я читамъ у моіой памеви, да ѣешь ты врло знатань човекъ быти.

Ты си већь фала Богу садъ величакъ, и я мени за дужность водимъ тебе у светъ, твоме опредѣленію пустити, єр' кад' є Велиміръ одъ 12 година толико учиніо, шта ћешь ты учинити моћи скоро одъ 16. Зато сынко ено ти конь у штали, оседлай га и иди кудъ знашь да ће за тебе најболѣ быти.

Ово є за Романа быо гласъ Анѣела: и нечекаюћи да се Свештеникъ по обычаю заплаче, ћипи на ноге, отиде у шталу, и апострофирающи коня, обзнани му, да ће заедно путовати. Затымъ отиде у Собу, и одъ радости заборави, да поочиму на нѣговом' благодѣянію благодари. Дакле неблагодарность само се зато на свету раћа, што є човекъ забораванъ. —

Іошт' се Ендіміонъ на крылу Θетіномъ валюшкао, а Романъ оседла коня и поочиму яви, да є за путъ готовъ. Овай му благословъ даде, и Романъ полюбивши га у руку седне на коня, и као муня изъ места свога рожденія изиће.

„Эл' понео Романъ што новаца на путъ, имали у торби леба, сира, печеня, и мало вина?“ — Ово пытанѣ вопросителю ни наймање честь не чини, оно показує нѣгово невѣжество, и непознаванѣ романтічески кньига. Эр' кад' су Ирои и Страдалницы у романма ели? найвыше ако су пили; а да воде доста

има, то зна и мало дете. Међу тымъ одъ куд' долали, да Персоне романтіческе редко или нигда не єду, я читательма нисамь у стаю изразити; найвыше им' могу, ако су башь любопытни, советовати, да се код' ньіовы Сочинителя упытаю. Што се пак' мога Ироя тиче, за оправданѣ явитити имамъ, да бы Процессъ одъ свію романджія на себе навукао, кад' бы од' ньіовогъ начина писаня одступіо. Видиће се међу тымъ далѣ, да є нашь романъ, гди гоѣъ є нужно было, новаца имао; премъ да я нисамь никада дукатъ у моіой руцы видіо. — „Како то?“ — То се тако изясніює, што свакій Отацъ жели да му є сынъ больи него онъ што є самъ; а може ли за мене любезніи — прем' да духовный сынъ, єр' є безъ матере роѣенъ. — быти, него што є романъ ? —

Док' самь я ову Диссертацію правіо, романъ се тако с' конѣмъ удаліо, да га при свем' усиляваню и труду моме ніе могућно стићи. Овде друго ніе заключити, него да га є каква волшебница под' свою защиту узела, и нѣга и коня на себе натоварила, желећи му трудъ толикогъ путованя прекратити. То є лепо, врло лепо одъ волшебнице, али мы іой ни найманѣ нећемо благодарити на той нѣной послуги, будући намъ є отела

витеза. и со' тымъ намь прети повѣстъ прекратити.

Ако су мои читательи ради любопытну ову Исторію дочитати, я имъ друго советовати не могу, него да пред' нѣга изиђемо. Нек' помысле само самномъ заєдно, а то є найлакше, да смо у Егупту, ево и нѣга у Егупту.

„Вы опетъ починѣте ђаволити Г. Сочинитель.“

Ни найманѣ Госпоже, я се само наравногъ пута држимъ. Апропо Госпоже, имамъ єдну загонетку, кою немогу пропустити да вам' овде не предложимъ. Ако будете снисходителни разрешити є — она такве тайне у себи содржава, тако ће намъ показати некій путъ — любимъ вамъ руку.

Загонетка.

Нема ствари на овомъ свету веће одъ мене. Юпитеръ па 'я, коима су сва возможна. Докъ дунемь трипутъ, я самь ти новъ Светъ начинио. Люде с' роговы, магарце паметне, жене, да млого неговоре, начинити, то є код' мене маленкость. Одъ мене зависи Цареве и Кралѣве правити, ныима колико оћу, землѣ давати, с' ныовомъ судбиномъ владати, и, кад' ми єволя, у пропасть ій бацыти. Начинити да се люди туку, да жене небуду суєтне,

да се куряцы с' овцама друже — то я за посао не држимъ. Єднымъ словом', све што є на земльи, исподъ землѣ и више землѣ — све што се помыслити и непомислити може — и самъ Circulus quadratus у моіой є власти. Чудишь се тко самь? я самъ! добро пази што ти реко."

Но Госпоже, оће те ли малый трудъ на себе пріймити, да ову загонетку у присуствію овы почитанія достойны Матрона, и лепи фрайлица разрешіте, док' попушим' при чаши віна єдну лулу дувана. — О, вы сте весма добри. Вашу красоту, и любовъ ко кньижеству у првой ћу Оди споменути.

Мало є тежка? о ништа, я познаємъ ваше остроуміе, од' оногъ дана, како сте се досетльиво код' Вашегъ Господара Супруга изговорили, я сила на вашь разумъ зидамъ.

Нисте іошт'? ништа зато, я могу и другу лулу испушити. Али ах! сад' ми пада на паметъ; моє Галантеріе и воспитаніе моє Господичне Элице нигди нема. Любезна фрайлице! я се садъ сећамъ да вы таки кашлѣте, како ко о лули и спомене. Шта мора вашъ нѣжный Составъ тѣла трпити. Тежко, тешко, но я мыслимъ да ћу мою погрешку поправити ако вамъ Загонетку разрешимъ, само нека код' васъ заостане. Изволте да вамъ на уво кажемъ, томъ приликомъ моћи ћу

васъ, ако ме удостоите, єданъ путъ и полюбити. — Само никомъ —

Но, но, молимъ Господичне и матроне, Госпожа зато неможе да разреши, єр' є разговори ваши сметаю.

„Хи! хи! хи! мы знамо“

Знате, а єсте ли погодиле?

„Я нисамъ казала“

О, я о вами ни найманѣ не сумнямъ Фрайлице. Кад' єіошт' коя фрайлица тайну казала? Али какосте разрешили; Шта є моя загонетка?

„Поета“

Право! Кад' дакле поета така чуда учинити може, да су магарцы паметни, и да жене тайну чуваю, кое є преєственно, може ли ми ко замерити, што мога Романа по земльи, само краћимъ путемъ као трговацъ изъ єдногъ тефтера у другій, само у другоячемъ виду преводимъ?

„Хи! хи, хи!
Ха! ха, ха!
Хе! хе! хе!“

Я знамъ, што се вы смеете. Што самъ я поета.

„Хи! хи! хи! поете су фантасте.“

Высокопочитаема Госпоже! вы мени заямъ враћате. Эсть да поета неможе быти, ако

нема фантазіе, и да фантаста ништа друго незначи, него ћушнутъ, ништа манѣ — — Збыля, Романъ нась чека у Египту, айдете брже докъ ніе оладіо, пакъ ће мо га после теже наћи, него девойка одъ 200 поклада свога суђеника. —

О погледайте, погледайте Фрайлице, како є красанъ, како є лепъ садъ Романъ, са свимъ у романтическомъ виду. Истина я се не опоминѣмъ, и вы се нећете опоменути, да є ико ружанъ было, кои главну персону у романма представля; али я незнамъ, може ли се ко с' Романомъ сравнити? како бы га мы описали за оне, кои немаю Среће видити га? Да кажемъ да є лепъ, єл' то довольно? тко незна, шта є лепота? Романъ, па само лепъ, и више ништа. Да га с' Аполомъ, є' Амуромъ, с' Венусомъ, с' Богиняма сравнимъ, то є горе него дрвеномъ мотикомъ копати, єр' прво треба да самъ знамъ, па онда другима да докажемъ єсу ли ти Богови и Богице были лепи, и лепе; потомъ кад' бы и то преюріо, опетъ се не бы млого помогао, єр' су сва ова сравненія прећашнѣ Романджіе преотели (познато є да ни єдна муза ни Грація ни Богиня ніе остала, коя не бы каквомъ витезу одъ свое красоте позаймила). Слѣдователно не бы ништа друго, кад' бы се истымъ речма по-

служивати хотео, учиніо, него подозреніе подигао, да и я одъ други преписуемъ, а Вы знате да я орігинално пишемъ.

Имали другогъ начина да се овой недостижицы помогне? я мыслимъ да другій не може быти, него на васъ любведостойна фрайлице цео овай посао оставити. Вы сте њга као и я, но не сумнямъ больимъ очима видили, слѣдователно вы ће те и болѣ известіе о нѣму дати, него я. Изволте дакле вашима фрайлицама другарицама (єр' другій ће слабо, мыслимъ, о том' разбирати) у колико є лепъ исказати, а я за мене редъ задржавамъ, ако дође речь о каквой девойки. Любимъ вамъ око.

Альине праве човека, обща є пословица, и читательи ће мои са мномъ заєдно трудъ положити, за искусити, како є Романъ одевенъ быо. Али како тамо видимъ существо с' замршеномъ брадомъ, с' босимъ ногама, гди є преко гологъ тѣла япундже пребацыло, и злобный смей с' устна неможе да сакріе. Онъ се к' мени приближуе, да є ми разумети да ме познае, да га познаемъ; „Ахъ высте Г. Цінікеръ, од' кудъ тако у ово време; шта васъ є приволело, да изъ вашегъ мирногъ бурета изиђете? — О, добро разумемъ, васъ є моя речь о альинама возбудила. Любезный Господинъ Цінікеръ, вы нећете у свой земльи

већегъ почитателя наћи, него што самь я; али шта ће Ваша Θеоріа и мое к' вами почитаніе противъ употребленія общегъ учинити? Єстел' кодъ приль Рабенера видили *) колику силу лепе альине имаду? Знайте вы на примеръ колико звезда с' восточне, колико с' западне стране землѣ има; знайте о любови болѣ него Овидіе говорити; и утркуйте се с' Платономъ колико оћете, правећи Републике; но отидите с' оваковымъ альинама не фрайли, єр' она васъ не бы ни пустила код' себе, него код' просте секе, видиће те, оћете ли какво благоволеніе задобити. О Кратесу нећу да ми примеръ наводите, єдна є Хіпархія была на свету. На противъ колико су се оженили само збогъ тога, што су лепъ фракъ и лене панталоне имали. Колико ньи и данасъ поредъ прозора фрайле Єлице свою фину чоу носе, кои праведно рећи могу: omnia mea mecum porto! (сво моє богатство са собомъ носимъ.) И фрайлица ій радо гледи, коя є такоћеръ са свиломъ и кадифомъ свое руготе покрила, шилѣ имъ хонере с' многоцѣнномъ лепезомъ, безъ кое бы морала єзыкомъ, и наравно не увекъ добро изражавати. Найпосле себе ономъ поклони, у коєга є фарба одъ капута ньойзи найповольнія. — Проча чуда, што

* Рабенерова Сатура: Kleider machen Leute.

альине праве, наћиће те кодъ нашегъ Рабенера.

О новомъ комплиментираня начину, кои є истій пріятель нашь изнашао, н. п. я желимъ вашемъ изрезаномъ фраку добро ютро; я се препоручуємъ у милость вашегъ извезеногъ пруслука. Богъ да содржи красну вашу ћурдію млого година на радостъ ваше фамиліе и пр. — незнамъ друго казати, него да є то планъ за оногъ філозофа, кои жели по начину вашемъ нову Републику правити.

Но садъ Г. Діогенъ, имате ли волю іошт' насъ за наше альине изсмеявати? Видите наше злато светли и безъ вашег' фенћра, а я мыслимъ, да се и вы не бы срдили, кад' бы вамъ ко нову альину поклоніо; но будући да се нико неусуђуе васъ у вашой системи узнемиривати, зато бы вамъ пріятельски советовао, да се опетъ у ваше буре повратите, тамо шакомъ, кад' немате кутлаче, воде піете, светъ презирете, и по вашой глави републике правите *) Адіо! —

Я се надамъ, да се Господична ни наймање неће наћи увређена, што самъ ню оставіо, и сву мою силу употребіо, да оперемъ честъ и мою и нћну. Али самъ му баръ и казао.

---

*) Познато є, да є Діогенъ као и Плато Републику писао, коју є Виландъ по своме начину издао.

Знамъ, да бы Госпое другояче известіе о нyовымъ альинама, и о тѣхже дѣйствію дали, но будући да нашь Цінікеръ само єдно япундже преко тѣла има, зато мыслимъ, да бы противъ доброгъ тона было нѣга у друштво наше уводити. Нека Діогенизира онъ колико му є драго каже Г. — Србска пословица: „док' се мудри намудроваше, луди се на живоваше“ темельнія є, него нѣгово япундже. Садъ айд'мо к' Роману.

Нѣгове альине могле бы найвећемъ гавалеру пркосити, толико само, што су наравно, романтическе быле. Чисто плаветне чакшире, по найновіей моди начинѣне, преко кои скоро до колена лепо извезена долама, на глави калпакъ показиваше, да є Романъ одъ велике куће, а за знакъ, да є Ритеръ, имао є чизме с' мамузама. Конь младъ и прекрасанъ, за кога бы свакій паша 10000 гроша дао, сабля оштра као змія, на десной страни, наджакъ и коплѣ — све то нашемъ путнику особитый изгледъ придаваше.

Романъ се самъ зачуди, видећи себе овако еквипирата, и сумняти почне дал' є то онай истый Романъ, кои є мало пре с' расцветанимъ туромъ по сокаку одіо; но кадъ се самъ по именце повиче, кадъ се за носъ увати, и осети да га боли као и прѣже, увери се,

да є онъ онай истій существеный Романъ, као што є пређе быо. Онъ онай предѣлъ нимало непознаваше, и надаше се, да ће му као Енею каква цыганка доћи, да му у дланъ гледи, и да му путъ покаже, *) коя ће му потомъ мати быти, но ова га надежда за садъ изневери, и онъ уморанъ будући пође тражити какву сенъ, докъ припека сунца прође. Истину говорећи трбу му ніе врло обтерећенъ быо, али новый Донъ Кишотъ, кои є найвыше зато у светъ пошао, да чуда чини, и не узме ово на умъ. Онъ само гледаше свой мачь, увеселяваше се с' ньиме, и почемъ се неко време шта ће у будуще чинити, забави, надвлада га санъ. — Онъ легне на десно уво, и Юначки поредъ свога оружія зарче.

Може быти да ће гдикомъ неправо быти, што ємо Роману у присуствію насъ свію отпочивати допустили, но кад' помысле, колико людій целогъ века свога преспаваю, кад' помысле, колико ій є на свету, кои даню спаваю, а ноћу левентаю, кад' узму найпосле на расужденіе, да млоги не само спаваюћи, него и будни спаваю, зашт' не бы и нашемъ Юнаку неколико часова на тай конацъ определили; особито што у Романима, и трагеді-

*) Види Блумауера Енеиду на Стр. 24. у Бечу 1784 издану.

ама (као што є познато) само се онда спава, кад' коя добра Сълфа, коя се на яви показати не сме, или неће, ноћу доћи жели, и своє любимце о будућитности известити.

Романъ ніе ни по сата юначества у р'каню показао, кад' Сълфа Селимандра, коіой се нашь Ирой незнамъ зашто допао, волю добіе одъ дугогъ времена показати му нѣгову судбину, и наговестити, како се при гдикоимъ случаєвма владати има. Она придене себи крыла (познато є, да вештице крыла и репъ имаду) намаже се мастю, очита свое „ни о пань, ни окладу" прне крозъ оджакъ, и док' сте фрайлице погледали како вамъ стое уста, већъ є код' Романа была. — Она га с' почетка доста дуго, како спава гледаше; потомъ помысли, да є'болѣ на яви му, што има казати, и метне руку (я управо Госпоже незнамъ гди) да га пробуди, кое бы и учинила, да іой ніе у исто магновеніе старацъ на паметъ пао, кой, као што є ньойзи достовѣрно познато, овакове састанке колцемъ разваћа. Она се задовольи дакле, што є руку на нѣга метнула, скупи све силе, и овако почне говорити.

„Романе! ты си любимацъ вила и волшебница! сто иляда пушака, топова и мачева код' тебе ће быти мало зврцанѣ куку-

руза. Твоя ће рука выше Турска одсећи, макаръ да ій нигда нећешь видити, него Краљевићу Марко. Само срдчанъ и слободанъ буди, и недайсе да те коєкакве жене плаше.“ Ово изрекавши представи му како тысућама людій на нѣга иду да га заробе; Сотымъ скине руку, премъ да не радо — с’ нѣга, у забуни заборави казати ни о пань ни о кладу, него „и о пань и о кладу, почне ударати главомъ о свако дрво, и тако испребіяна и излупана єдва до куће дође.

Поменуте од’ овако силне волшебнице изговорене речи, притомъ мложество непріятеля морало є наравно особито дѣйствовати на воображеніе одъ природе ватреногъ Романа. Онъ неузможе далѣ трпити нападеніе воружаны; тргнесе изъ сна, ћипи, и — око себе види мложество маймуна, кои се измећу себе играю, зврцаюћи га малимъ грудвицама. Млоги люди, кои у тысућу случаева исто као маймуни поступаю, радовали бы се, видећи Соревнователѣ поступака своій, али Романъ, кои є, као што є речено поєтическо воображеніе имао, особито сномъ сбунѣнъ помысли, да су то они исты непріятельи, кои ће га у робство водити, пакъ распалившисе гнѣвомъ Краљевића Марка „Мене у робство?“ викне Бурямъ да у робство дође? Док’ є овогъ

мача у рукама, неће то быти. Сотымъ скочи на свою Розинанту, гурнее жестоко у бокове, коя дигнувши репъ трубногласно свою ватру покаже, и тако се обое у пуной совести о храбрости своіой на непріятелѣ устреме. Маймуни*) наравно овымъ позоріемъ узнемирени почну ретерирати, али Романъ ово видећи: Шта, толи є ваша фалѣна Храбрость? викне. Овамо бабе и бубе, ко ће ми на мейданъ изаћи. Небежите, или се предайте, ер' се ниеданъ одъ васъ главе неће нанети.

Я знамъ, да се ни єдан читатель неће на ово чудити, коме є позната Донъ Кишотова борба с' воденицама. Но нека сами кажу ніе ли болѣ и ово, него да имъ представлямъ како се хилядама, може быти de lana caprina, или de umbra asini, или за Драгиню и Влайка секу, чупаю, бубаю и туку?

Да є побѣда овде на Романову страну притезала, тко се може сумняти? Но онъ ніе задоволянъ быо само с' обращеніемъ непріятеля убѣгство, правогъ є витеза, по нѣговомъ, премъ да не башь логическомъ мнѣнію дужностъ непріятеля на главу побити, и зато с' пуномъ храбростю своє сопернике окупи. Маймуни или страомъ или природнымъ нагo-

*) Све, што ніе у овой кньиги по наравномъ реду, нека читательи, ако т. є. оћеду, за слободу поетическу прійме

номъ (кое є одъ ова два, оставлямъ філозофима на дистинкцію) пођу шумомъ, али се Романъ ніе овымъ оладнити дао; с' Юначкимъ коракомъ слѣдоваше онъ своимъ непріятельма, као младићъ у мазуру пркосећой девойки, и намысли одъ предпріятія не одустати, доклегодъ лавромъ свое чело не украси.

Судбина є людій тако смешна, и чудна, да човекъ и неотећи, и немыслећи млого пу та узрока има Демокритъ быти. У ову рубрику доћи може, да човекъ често налази оно што не тражи, а кадкадъ, што нигда и не бы желіо наћи. Тако н. п. кадъ Сека Юца кодъ своґъ швалера ужива сладость полюбаца, ненада се, и чисто се зачуди, видећи да є на єданпутъ мултипликацію докучила, и да дивидирати мора; тако и нашь Романъ, кои ніе ништа друго у памети имао, него непріятеля гонити, случайно при непрестаномъ уступу маймуна угледи єдну палату, палату од' прилике као што се у тарокъ картама изображена наоди. Я знамъ, да бы одъ стотину мои читателя 99 самномъ заєдно при угледу ове палате помыслили на дукате, кои бы се могли наћи. Наше Даме радовале бы се на нову какву мустру одъ капе, Дембели бы се справляли за ручакъ и спаванѣ, а залюблѣиъ, кои свою драгу давно ніе видіо, пред-

ставіо бы себи, како бы красно было, кад бы се изненада с' ньоме састати могао, и пр. то други, но Роману, кои за любовъ ништа ніе хотео знати, видећу да є єданъ одъ нѣговы непріятеля у нутра утекао, представи се замокъ Влайковъ быти, гди се погано легло укоренило, кујући противъ нѣга сѣти и козни — може ли да га ова мысао неподигне? Онъ ободе коня, и као што наши картари громкимъ юначествомъ на Шервенцлъ нападаю, и Асталъ одъ ньове силе застенѣ, тако новый овай Бурямъ устремисе, и земля се одъ топота нѣговогъ коня затресе.

Преће него што далѣ чудеса овогъ витеза видимо, по заповести Хораціевой, кога млоги похвалюю, мала часть читаю, а іошть манѣ разумеду, требало бы моимъ читательма показати, одъ куд' ове палате у тако усамлѣной шуми, тко є ню зидао, и навластито, каква лица у ньой обытаваю, но будући, да у нутра никомъ ніе допуштено было улазити, зато самь принужденъ горепоменуту заповесть и из тогъ призренія прегазити, што ме є Меркуръ при самомъ помыслу и тайнопуну ову палату уѣи за уво повукао, и опомено, да се нешалимъ, ако мыслимъ и далѣ купуса єсти (купусъ є мое найпріятніе єло) Примѣчавамъ дакле, да є с' поля на Палати овай надписъ

изъ истогъ Хорація изрезанъ быо: fingere qui visa potest, — — — → Hic niger est, hunc tu caveto.

У Палати было є понайвыше таковы людій, кои су за найглавнію дужность почитовали єсти и пити. Овде бы могао тко рећи, да такови єсу на шкоду обществу, но я се добро опоминћмъ речій приль Рабенера, да ленштине осимъ друге ползе и трговину промовираю. Нћгове су речи са свимъ по правилама сулогизма устроене, и убо: Сила землћ состоисе у рани. Найвише ране има онде, гди се найвыше троши. probo majorem: найвећій є конзумо, т. є. найвише се троши онде, гди су ленштине, NB. имућне ленштине; probo minorem: Да ленштине више еду кад имаду него други, то свакогъ искуство учи. Слћдовательно они люди, кои трговцыма лаће и амбаре празне, и сотымъ већій Verſchleiß чине, не само што нису Републики на досаду, него одъ велике ползе, да и нужде єсу, quod erat demonstrandum.

Найвеће пак' упражнение жителя помену-те палате было є спаванћ, и башъ су се случайно сви у овомъ положенію находили, кадъ є нашь витезъ у найхитріемъ трку с' мачемъ у руцы подъ бедемъ долетіо. Нћговъ є лозунгъ было: непріатћльство, и онъ таки

с' найснiимъ гласомъ довикивати стане єдногъ по єдногъ на удвой. Служительи, кои су наравно као служительи радити морали, видећи ово чудо, коє имъ се iошть нигда догодило ніе, науме буну учинити, и своє Господаре пробудити, да имъ овай феноменонъ протолкую, зато узме кои чегртальку, кои котао, и тепсію, кои бубань и трумбету (Єгупетску наравно) и тако у басъ и у дишкантъ таку хармонію удесе, да се сва околина са зданіемъ заєдно затресе. Жительи се пробуде. Каквоє впечатлѣніе учинила речена музіка, свакій ће погодити, кога є у спаваню — комараць у-єо. Едни помысле да се тресе земля, а другіи да кућа горе, некій опетъ — да є двана-єсть сатій, и срдесе што iошть нису ручали. Но будући да у ово време устаяти кодь ньи ніе обыкновено, премъ да є сунце ясно сіяло, опетъ єданъ по єданъ поредъ музике тихо поспи, и не запытавши, шта се на полю ради. Служительи се нађу у чуду, єр' Романъ прети капіе пробити и у нутра ући. Зато єданъ од' ньи кои є служећи остаріо, превару измысли. Заповеди Сослужителъма да од' єдногъ до другогъ зађу, и яве, да є време єсти. Ово добро за рукомъ испадне. Господари, премъ да срдећи се намажу очи плювачкомъ, и тако пре нег' што по сата избіе, ни єданъ се у постельи не нађе.

Садъ имъ служитељи беду представе и особыто существо. Началникъ отвори лагано прозоръ, и опази Романа, гди закосненіемъ зар' непріятеля подкрепљнъ с' већимъ мужествомъ соперника позыва, претећи, да ће имъ замок' у пра и пепео претворити. Началникъ затвори прозоръ, и садъ се совештавати почну шта ће чинити. Борити се, то ньово ніе, и после дугогъ разговора и pro et contra диспутираня заключе, да на провидѣніе — судбине оставе, даду донети ракіе, и оркутаюћи чекау да се єло донесе.

Ньово заключеніе ніе на меканой даски основано было. Эр' не дође време ни до печења, кадь се неки люди гологлави укажу. Зашто башь гологлави я незнамъ, може бити, гди є велика врућина была. Но како є годь, доста што они у добро време дођу, єр' се башъ Романъ спремао да провали врата, и свое непріятелѣ на краће очепа. Служителъи яве за ову нечаяну помоћъ, и Началникъ таки отвори пенджеръ, и изнутра почне командирати, како ій ова беда изъ сна пробудила, и како су у опасности ближе одъ нѣга посећени быти. Притомъ непропусти свою предику обрнути, да є дужность наша бранити ближнѣга кад' є у невольи, и найпосле парентацію с' Апострофиранѣмъ сврши, да бы

се потрудили овогъ незваногъ госта како тако с' врата имъ скинути. А то и изъ тога повода, што су они одавно себи за правило утврдили: Wenn man dich mit Krieg bedroht, Laß andere für dich ſtreiten.

Пришелцыма се слободно ово Генералиссима (они собственогъ вожда нису іошт' имали) командиранѣ врло допадне, и сви Ромяну téte a téte пођу. Овай пакъ витезъ ставивши се у позитуру Кралѣвића Марка: шта, повиче, превара? небоисе Бурямъ іошт'; Сотымъ полети на єдногъ са своимъ силомъ, и было бы га са свимъ убіо, да му ніе сабля слагала; све є было, што му є уво роваціо. Но сотимъ друге у већу ярость подигне. Тридесетъ ньи, кои буджу, кои вилу подигну, и немилостиво ова своя оружія, кадъ до Романа стигну, удвиженіе ставе тако, да овай витезъ подобно ономъ изъ Манхе, у несвесть падне. Сад' га побѣдителъи добро вежу, и с' тріумфомъ (шкода што ніе какавъ поета было, могао бы лепу Оду составити) дакле с' тріумфомъ у замакъ уђу. Комъ дѣлу віно и ело ніе оскудѣвало.

Пошто свой посао свршe; предаду свога роба Началнику с' додатком да га, као роба, на какавъ оће посао осуди, но овай, изъ врођене му скромности безъ сумнѣ, ньима

одговори: да є то за нѣга велика честь, кою онъ безъ похлѣбствія к' себи говорећи не заслужуе, и да онъ реченогъ роба к' себи пріймити, нити немилосердно на тешке послове нѣга осудити жели, будући да бы му опеть могло пасти, на паметъ ратъ противъ ньи подићи, и онъ безъ стыда исповеда да ратъ тако исто као Санхо Панза на две милѣ далеко обилази, быо онъ сабльомъ или пушкомъ, буджомъ или макар' песницомъ.

Ова искреность и миролюбіе притомъ и потврѣиванѣ Началника, да онъ ніе ни буву іошть убіо по оному: non te creavi, non te occidam, (нисамь те сотворіо, нећу те ни убити) іошт' веће почитаніе кодъ слышателя подигне. Они се с' ньиме опросте и Романа узевшіи са собомъ одведу га у градъ и кадіи предаду, да га онъ нѣговой кривицы соразмѣрно казни. Кадія видећи уво ровашено, са свимъ се згрози, те нашегъ Романа заповеди у тамницу затворити, докъ измысли муке, коє ће на миронарушителя возложити. — Ово малко починѣ быти трагически, признаемъ но я не могу шта кад' ми є тако расположеніе душе. Найболѣ є дѣло оставити на неколико дана.

Обично Списатељи подъ изговоромъ мнѣнія о свои дѣлій добити обычествую пре вре

мена фалити се, и сочиненія своя док' су іошть у рукопису, прочитавати, тако, да кукавны слышательи мораю ил' имъ се оће или неће тамо мысли управляти, куд' ій суво Сочинителя перо води. Овомъ похвалномъ примеру и я, премъ да самь малъ братій моей Списатель, желећи време, кое ми є на другій удешай душе, или Stimmung der Seele (тако се кодъ насъ с' немачкогь преводи) опредѣлено, безъ ползе не провести, за добро нађемъ мой по последнѣмъ журналу сочинѣны романъ моіой фрайлицы комшиницы прочитати. Я самь срећанъ быо, те іой се ово дѣло допало, и моя уста почела ме већъ сврбити, мыслећи да ћу (нека Венусъ зна) бар' єданъ полюбацъ као награду за мой трудъ добити.

Али моя emunctæ naris (тако хораціе зове оштрлятоносате) Комшиница ніе ктела гора быти одъ другій критікера. (шта є то критікеръ, тоће наиболѣ знати онай, кой єднако туђа дѣла одговара.) Она заиста оштри устна, и с' некимъ смешенѣмъ, кое ми ніе башь ласкало, овако почне перорирати: Г. Списатель, вы башь са свимъ оћете да сте особитій човекъ, и да се одъ другій разликуете. Я нисамъ іошть романъ видла безъ любови, кодъ васъ пакъ осамнайстій є табакъ, (овде моя комшиница пресомићенъ табакъ разу

мева) а о любови ни мукаетъ. Узмите дакле и вы старый калупъ ако мыслите, да намъ се допаднете, иначе бадава є сва ваша шегачина, и досетливость.

Исповедамъ, да ме є ова предика збунила. Истина, я знамъ да кньига ніе чизма, да се мора по калупу правити, знамъ и то, да ништа ніе лакше правити, него романе како моя комшиница зактева! н. п. како є Светомиръ изъ детинства несрећомъ судбине одъ оца, кои є неко село подъ собомъ имао, одлученъ быо, како се потомъ, іоштъ докъ є ђакомъ быо, у Людмилу, коя є чудо лепоте целе околине была, залюбіо, одъ нѣ равнымъ начиномъ люблѣнъ быо; како є потомъ гоненіемъ непріятеля на море иѣи морао, ту одъ пустаія уваћенъ быо, кои носећи га у робство, найужаснію буру искусе, лађа имъ се потопи башь кадъ су близу некогъ острова были, сви се подаве, само єданъ Светомиръ таласомъ на брегъ избаченъ буде. Потомъ, какоє свою любезну везану нашао, ню избавіо, и текъ што почну певати, жителыи доћу, увате ій, и опетъ раставе: Како є дуго морао Светомиръ мучитисе, одъ немила до недрага тисе са духовима боритисе; за своіомъ любезномъ уздысати, и тужити. Найпосле, гди ни по-

мысліо ніе нађе драгу свою, коя му приповеда своя удывленія достойна страданія. Ту нађу лађу, коя ій башь чека да у отечество ньово иду; гди заиста нађу родителѣ помирене и смештене, и — венчаду се.

Изъ овогъ се може заключити, да я неби было последный Шлендріанъ, кад' бы хтео Романе по старомъ калупу правити, и да бы моє персоне тако исто уздысале, сунце, светъ и судбину апострофирале; тако исто ножеви убіяти се знале као и други Романджія, или као што самъ я негда светлити усиљаваосе. — Али шта то помаже толико трпанѣ и лупанѣ? Мени є комшиница моя обећала єданъ полюбацъ, ако у овай, као што она каже лепъ романъ и любовъ, коя є у роману круна и венацъ, принесемъ, а за єданъ моє комшинице полюбацъ я бы се разрешіо и выше што учинити, него ли само навести оно, што сви, одъ кад' є романа постало, наводе.

Да є Романъ у тамницу одведенъ было чули смо, али онай бы се преваріо, кои бы помыслiо, да є духъ Романа клонуо. Зар' ій є мало было у тамницы и опетъ су се лепо сви на лакіи начинъ избавили, тако да ни єданъ ніе погинуо, као н. пр. Любомиръ, као што є — (незнамъ како му є име у Польской Любичицы) слѣдователно и Романъ ће безъ

сумнѣ пре ил' после над' непріятелѣмъ тріумфирати. Овай га Соритесъ тако обнадежди, да, хотя су му леђа мало надувена была, онъ сладко, спустивши се на крыло обште матере землѣ, за'рче.

Фама међу тымъ узме себи допуштенѣ, да о нѣговомъ затвору по граду разгласи. Фама*) є єдна персона коя се изъ самы єзыка, очію и ушію состои, и особыто любопытство наблюдава. Женска наравно, єр' шта є одъ женскогъ любопитства мирно остало? С' почетка мушка, но потомъ се тако осили, и тако се растећи гои, да є не єданъ путъ наметула жени, коя є дете нешто суво имала, да є сына са зечіимъ ногама, потомъ са зечіомъ главомъ, а найпосле правогъ зеца родила. На свадби и на даћи, на сокаку и на сонмищу, а и у цркви она се указуе; обявлюе шта се кое гди случило, лаже и домеће, да бы іой повѣсть пріятнія и вѣроятнія была. Каже у колико є сатій сека Юца сама по сокаку увече одила, и ратъ или миръ по своимъ начину уређуе, и прави. Нѣни су служительи Новинари, Писмописцы пасквиланти; и гди кое вуцыбатине кои се одъ тогъ ране, праве одъ комарца магарца и често целу варошь страомъ или радо-

*) Слухъ, гласъ.

стю за носъ повуку. Бутлеръ каже *) да Мисъ Фама на єданъ путъ у две трубе дува, и дали обадве с' єднымь ветромъ у єдну на предъ, у другу састрагъ дува, то мы незнамо, само то можемо казати, да прва лепо, а последня ружно звони, и зато называю списательи єдну добаръ, а другу рђавъ глась, по оригиналу Good и Evil Fame.

Ова дакле Госпожа узевшій по дужности бригу люде извештавати, приповедаюћи, како є некій младићъ міромрзце и миролюбце оружіемъ напао, на три стотине юришъ учиніо, 50 потукао, и садъ у тамницы лежи и. т. д. одъ куће до куће идући стигне найпосле и до честитога Аге, гди придода, да є истый младићъ неописане лепоте. Ага є имао єдну кћеръ, коя є године удадбе у нешто већой мери, него што се код' насъ брои, навршила, єр' 120 поклада врло добро памти. (одъ нѣ є и онай Өермометеръ, кои се у Вінка Лозића трећей части налази) ништо манѣ тако є сила на целомудріе држала, да се огледаломъ добродѣтели праведно у целой вароши называла. Поредъ осталы свойства она особито на милосердіе гледаше, тако, да ніе у свой околини

*) Класическо Сочиненіе овогъ Ауктора подъ именемъ Hudibras, гди э жила комическа неизцрнима, свимъ изобреженымъ народма познато є.

ни єдногъ — момка было, кога не бы она у крыло — защищенія пріймила. Наравно се морала яко возбудити чуюћи беду Романову, и-представляюћи себи, да є онъ као младъ вр-ло ласно поклизнути могао, и да нѣгова по-грешка ніе никаква друга, осимъ што є добаръ юнакъ, представи себи, макаръ є и живота стало, изъ тамнице га избавити, а оће ли є потомъ по обичаю онъ изъ благодарности узети или неће, о томъ она и немысляше.

Ова добра душа, велика у оной мери као што є Паноеина была, ніе башь праву матеръ у Природи имала, и зато ніе чудо, ако ніе фидію или Апеллесу у смотренію лепоте, за образацъ служити могла. Она є была помалена али здрава и тѣлесна девойка, єр' одъ деветнайсте године овамо ніе манѣ одъ два рифа пантлике за поясъ узымала. Мидеръ као гадну и вредоносну стваръ презыраше, и смеяшесе кад' се коя фрайлица предъ ньомъ са своимъ субтилнымъ струкомъ поносила. На леђи є имала теретъ као неко половаче великій, и да бы се овой тежини равновѣсіе учинило, тако є велике прси имала, да бы за моделъ вінской Кралѣвића Марка мешини безъ сваке сумнѣ служити могле. Косу є имала жарко црвену, да є при найвећой помрчини безъ икакове светлости вечерати могла. Сотымъ о-

бећаваше свакомъ, кои жели ню узети, да никадъ неће нужду имати на свеће трошити, шта выше у невольи трудъ или Сумпоръ припалити. Као прибавленіе долази, да іой є коса кратка и оштра была, тако, да су є птице две милѣ увекъ обилазити морале. Што се други тѣлесный нѣни качества тиче, ништа немогу назначити, єр' као што самь казао, она є тако на добродѣтель гледала, да нико ніе помысліо ни издалека у ню завиривати, камо срећа, да и наше девойке нѣном' примеру продражаваю, такимъ начиномъ не бы свое альине до полакъ прсію изрезивале, нити бы кратке сукнѣ быле у моди, нити бы наше особито девойке на балу као вивакъ штеллунге правила. Мы Сиромаси Списательи како найманѣ што напишемо, коє бы се другчіє само толковати могло, таки Цензура то уничтожи и поруши. Зашто небы и такове Цензуре на свету было, коя бы и у смотренію одела, косе, ода компліmента, очію намигивания, подъ руку воћеня, правлѣия Кура, и пр. пр. пазила? — Но айд'мо повѣсти.

С' реченымъ добродѣтелю дакле заключи наша лепотица нашегъ Ироя од' беде избавити. Она неметне ни покрывало на себе, тврдо уверена, да є сви познаю, отиде надзирателю тамнице, кои є ключеве код' себе имао, и од'

нѣга заиште, да є кодъ новогъ сужника саму пусти. Саму код' младогъ момка — то бы могло код' насъ сумню подићи, али Агина кћи безъ найманѣгъ прекора получи што є жели. ла, и пуна совести о свомъ постояномъ темпераменту у тамницу Роману отиде.

Романъ є іошт' спавао, єр' приметити єданъ путъ за свагда валя да є кодъ нѣга, као и кодъ млоги други наймиліе было заніманіе рканѣ. Девойка пакъ изучивши одавно правила доброгъ тона заключи не кварити му санакъ, и чекати док' се не пробуди; было то до ког' му драго доба.

Мени тешко пада на добродѣтель сенку бацати; али по дужности исторической истину явити морамъ (добро бы было, кад' бы сви историцы ову дужность точно испуняваліи и ненамећати читательма оно веровати, што ніе нико ни помысліо) Да наша Иройкиня ніе у прећашнемъ расположенію была, кад' є у тамницы села, и помоћу свое косе, и мало сунца светленю Романа добро промотрила. — „Хи, хи, хи!“ — бадава се смеєте Господична, Агина є кћи таква иста правила доброгъ тона, и тако исто млого на моралъ држала као и вы сами, али оваковогъ момка омиловати, кои є сигурно младоженя, као што є и она девойка у найстрожіемъ смислу;

желити, да средствомъ нѣга капу на главу метне, нити вы, нити я, нити ико на свету замерити іой може; с' тымъ выше, што іой се прилика показала нѣга од' велике неволѣ, а може быти и одъ смрти избавити, и сотым' му свою любоввь и наклоность у полной мѣри засведочити.

Оваковымъ аргументиранѣмъ забавляюћи се гле лаше свогъ будущегъ любезника како спава, и представляше себы сладко оно време како ће с' капомъ візіте правити, кад' іой на єданъ путъ дође на паметь, да мора са своимъ любезнымъ побећи, ако мысли намеру у дѣйству видити, будући, да іой не бы отацъ ни подъ коимъ начиномъ допустіо страномъ руку дати. Ова є мысао не мало с' невесели, будући да не бы желила оца свога тако оставити, но найпосле с' тымъ се у тѣши, да она ніе прва, коя тако ради, нити ће у овомъ призрѣнію последня на свету остати.

Текъ што се тако са свимъ изравна и Романъ се пробуди, не мало дивећи се овомъ чрезвычайномъ посѣщенію почемъ очи протре. Но наша лепотица не задржаваюћи га дуго у недоумнѣнію овако, искашлявши се найпре, започне перорирати.

Незнаный Юначе, твоя є субина већъ целой вароши позната. Одъ 20,000 душа, што

овде обытаваю, ни є ни єдномъна паметъ пало теби помоћи, осимъ мене, но треба да знашь, да ти другій и неможе тако помоћи као я, єр' самь я Агина кћи, и само почитаніе, коє самь я у моій последньій 18 и словомъ велимъ осамнайсть година задобила, могло ми є ключеве одъ тамнице прибавити. Я те дакле ослобођавамъ, но то ти іошть казати морамъ, да я с' тобомъ заедно побећи принуждена єсамь, єр' бы иначе муке тебе ради трпити морала. Ништа манћ мы и овде не морамо одцеплћни быти, єр' безъ комплімента явити ти имамъ, да самь я девойка, ты си безъ сваке сумнћ младоженя, тако се можемо союзити и быти паръ, као што є Богъ благословіо; само ти повторити имамъ, да є мой Лозунгъ венчанћ и ништа друго.

Примћтити валя, да є нашой Иройкиньи свойственo было брзо говорити, коє мало промукле речи нћне издаваше као кад' у пролећe прьый путъ издалека грми, а будући да предня два зуба ние имала, зато ніе ни чудо, да при овой грмлявини изъ уста нћны киша одъ плювачке на оног слћдоваше, кои є быо предмћтъ нћногъ разговора.

Романъ се заиста у већемъ недоумћнію наодіо, него Херкулесъ кадъ' є путанћ бирао, добро є онъ знао né donna né tela comprar a

lume di candea (жену и платно при свећи не узымай) но стра ако ову прилику пропусти, коя є ямачно волшебница у преображеномъ виду, да нигда неће белогъ света видити, приволе га да іой се обећа узети є. Али є наша Мома добро испекла оно што Вла каже, чей я мунъ нуй минчунъ. (само што є у руцы, тоє извѣстно.) Она закте да се Ромапъ завери и почемъ ово торжество прође, она за дужность себи припише у овомъ магновенію као при претеню єданъ му полюбацъ дати. При овой нѣжности нѣной нашь Ирой мал' ніе у несвестъ пао, мирисомъ обузетъ, кои іой изъ устій као тофанска вода куляше. (овай полюбацъ опетъ ніе тако несносимъ, као полюбацъ каквогъ Юде издателя, или каквогъ назови пріятеля, или жене, коя мужа на очигледце вара, или мачке, коя миша на помиреніе зове.) За длакомъ є остало, те се ніе Романъ свога обећаня одрекао, и една мысао, да є може быти она, као што смо рекли, волшебница (надежда є одъ свитака єло) принуди га да за ніомъ изъ тамнице изиће.

На полю су већь коньи приправни были, и наша млада невеста ободри Романа да се ништа небои, седну на конѣ, (она є онако яшила, као наше даме у садашнѣ време) и у путе се шумомъ коя є два сата ода одъ варо·

ии стаяла. Почемъ се неколико удале, яви наша Амазонкиня своме суђешику, да су опасность избегли, и да слободно одпочивати могу. Она како легне, таки безъ бриге заспи, али Романъ, коме мирисъ несносный нешто мало досаћиваше, морао се на другу страну окренути, и почне копати носъ, шта ће с' њомъ радити. Эр' нію оваку, у овой форми узети воліо бы смрть. Да є живота лиши? — но я трагедіе выше непишемъ. Да моли каквогъ волшебника, да є у другу фігуру претвори, али кодъ нѣ ніе мана само образъ кои се може одъ црног да є бео или руменъ начинити. Найпосле му падне житіе Θезеа на паметъ, кои є такоћеръ свою благодѣтелницу напустіо. Истина онъ се своіой драгой заверіо, али колико има начина да се тога опрости? Колико н. п. люди обештаду другоме помоћъ, пак' башь у найвећой нужди почну се извинявати, да имъ є врло жао што речь немогу испунити; колико путій жене (а и люди) обећаю тайну чувати, пак' се тайна пређе прочує него да нису обећали? Колико найпосле пути млада невеста обећа послушаніе своме супругу, ал' чимъ месецъ протече, гледи да га подъ папучу притисне?

Овимъ дакле подкрепљенъ нашь Ирой устане, очита: vino d' il' anno, donne di quin-

dici, и тако оставившій свою несуђеницу собственой судбини у найлепшемъ маниру олади, не мыслећи млого, оће ли се она моћи бранити или не, као слаба одъ разны нападенія, кое іой се догодити могу.

О вы, кое ову повесть читате, и бисерну сузу при овомъ тврдомъ дѣлу пуштате, кћери Амора и венере! видители верность мушку? Она га є ослободила тамнице, а онъ є оставля да умре одъ глади, или да цела варошь прсть на ню пружа. Я бы желіо да се стара она песма: „Знашъ ли душо кад' си моя была“ лако незаборави. Ову да свака девойка добро на изусть научи преће, него што почне читати Романе. —

Но бацымо любезни мои читательи плачевный взоръ на бѣдну нашу Аріадну — како іой буде кад' се пробуди и нѣга кодъ' себе не напипа? Но она се утѣши мыслећи, да ће се скоро вратити. Чека петъ минута, нѣга нема, чека сатъ, нѣга нема, сунце се роди, нѣга нема. Шта наопако, да небуде? — Она ћипи и почне викати, далѣ поће и почне викати, на другу страну поће и почне викати, всуе, нѣга нема, ни нѣга ни коня. Ахъ коће описати жалость бѣдне ове жалостнице? Ніе остало романа, ніе трагедіе остало, ни опере, ни баладе, изъ кое она ніе речи скупила,

и своіой печальи веће уваженіе дала. Ахъ! ядна! Дідо є баръ код' куће као кральица комъ є тела руку дати, а особито є удовица была, коіой се свашта не замерава, али ова кукавица? Шта іой остає него викати: O Zopf! *) и одважнымъ коракомъ првой бѣдницы слѣдовати? но найпре науми писмо своmъ невернику написати, а будући да се нѣна судбина с' Аріадномъ согласуе, узме нѣнъ концептъ, што се код овідія налази **) и аппликираюћи га на себе, овако започне:

Любезны Несуђениче здравствуй на многая лѣта!

Іошт' самь на ономъ месту, и изъ оногъ ти предѣла пишемъ, гди си ме невѣрньцй оставіо. Я самь найлпеше планове правила како ћу те грлити, и иберрашовати, кад' кукавица дође, и почне ми чело главе кукати. Тргнемъ се, и потражимъ твоє руке, нема никога, ахъ жалостна у страу ћипимъ, и отевши скочити паднемъ скревета, и далеко одзывъ увређеногъ мога тѣла одлети. Таки се почнемъ лупати у прси, како ми є была расчупана коса, почнемъ є немилостиво трзати. Ахъ садъ видимъ да жене немаю право што се туже да ій мужеви често за косе вуку. Колико бы ми

*) Блумауера Енеида.
**) Heroid. epist. X.

слаће было, кад' бы ме ты за косе вукао, него што я то чинимъ.

Романе вичемъ, трчимъ тамо и овамо, попнемъ се на брегъ, и отевшій ти знакъ дати, да ме видишь скинемъ пантлику с' главе и подигнемъ на дрво, а я се почнемъ по брегу као бундева превртати. Всуе, тебе нема, и како самъ се окаменила заечи каменъ одъ мога терета. *) — Често се враћамъ постельи, викаюћи: притискивали смо те двое, кревете дай двое **) — куд' се знамъ окренути. Могу ли оцу одъ жалости? Ахъ зашто кукавне девойке верую Юнаку, зашто момцы онако девойке невараю као што девойке ньи вараю? Свакій часъ стрепимъ кад' ће ме зверъ изести. Курякъ оштри зубе, а чавке и вране музіку справляю, Ахъ дакле мене неће мати, кад' умремъ лепо накитити; неће быти параде, и црвене пантлике? неће девойке венацъ носити; неће ми нико читати орацію? то самъ я заслужила? — Но иди свирћпій пашћешь ты каквомъ ћаволу уруке, коя ће те толико киньити и штипати, да ћешь се и куће и кућишта ратосиляти. Онда ћешь ямачно потражити добру Агину кћеръ, и баръ можешь рећи: Овде лежи покойна моя несу-

*) Quamque lapis sedes, tam lapis ipsa tri,
**) Pressimus — te duo, redde duos,

ћеница. Сад' су іой на врби кости, Богъ да іой душу опрости. Dixi.

Почемъ ово писмо сврши и запечати, пође тражити дрво да се обеси. Будући дає врло акуратна была, то се нико неће зачудити, да ніе тако скоро жельи своіой сходно наћи могла. Међу тымъ єднако запеваше и дрва апострофираше, тако да є заиста нико небы од' Аріадне разликовао. Случайно падну іой на главу неке жуте каплѣ (какве су то каплѣ быле оставлямъ механицыма на разсужденіе) и будући да є као што смо опоменули, имала црвену косу, претворисе овай феноменъ у злато, и то є онай венацъ, што є Либеръ отацъ у звезде преместіо. Найпосле се Госпоя Судбина, коя є ту на Олумпу спавала, пробуди, провири у неглиже крозъ пенджеръ и видећи очаяніе ове бѣдне Страдалнице: шта є то? викне. Зар' и ова да ми разбія главу, као што є с' Дідомъ было. Corbleau; я выше не трпимъ да се девойке вешаю; доста се вешаю момцыма о раме. Меркуръ, у веди у Протоколъ, да я желимъ ову девойку спасену видити. Я ћу потомъ подписати, док' попіемъ кафу.

Сад' любезни читательи, и вы, кое сте ми често виле и але на вратъ шиляле, миле читателнице; вы ништа праведніе неможете за-

ктевати, него да вамъ є спасеніе ове наше Иройкинѣ, као паденіе и страданіе представимъ— али я вамъ честь явити имамъ да самъ већъ двадесетъ првый рукописный табакъ прешао, кое є моя граница, и да выше писати несмемъ, єр' вы нећете да се пренумерирате, кад' є книга скупа. Ако сте дакле ради и далѣ читати, то преправите другу форинту за слѣдующу часть. — Онима пакъ, кои су любопытни видити шта се далѣ збыло, за утѣшеніе навести имамъ, нек' преставе себи као да имъ є шнайдеръ тесну начиніо альину, и да мораю поредъ све псовке и секираня до друге неделѣ чекати.

(долази друга частица.)

Г. Г. Пренумеранти.

Баранда.

(одъ Г. Іакова Зебича трговца)

Г. Г. Herr Moricz Ritter von Liebensfeld, k. k. Lieutenant und Stations Commandant zu Baranda. Бл. Г. Михаилъ Марковичь стражам. Чести. Г. Гаврилъ Арсеніевичъ пар. Чест Г. Стеф. Жснаръ за сына Василія. Г. Алекс. Живановичь шнаидеръ Бл. Г. Ѳеодоръ Поповичъ учит. Опавачкій. Бл. Г. Ефремъ Арсинъ страж. Опав. Г. Ник. Матеичь капралъ. Г. Кузманъ Бароничь исп. Капралъ. Г. Стоанъ Максимовичь шнайдеръ Оп. Г. Алексан. Доброевичь куп. Г. Мих. Іоанновичь дунђ. рег. Гдина Драчиня Ђурђича ученица. Госпожа Роксанда Станчь за кћерь Екатарину изъ Неузина. Г. Максимъ Поповичь куп. Неуз. Г. Ісайа Татаровъ шнайдеръ Неуз.Г. Г. Васил. Каичь куп. Сакулескій за кћеръ Стефаниду. Г. Лаз. Кралѣвъкуп. Идворскій. Г. Конст: Пантеличь Живопис. Г. Іаковъ Зебичь куп. Барандскій и совокуп. 19 кн.

Земунъ.

Послани одъ Г. Петра Стояковића Земун: Контумц: Магазіонеръ.

Влагород: Г. Урошъ Боришевъ Секретар Ц: К: Аустр: Конзулт: у Београду. Бл. Г. Яковъ Димшићъ Пречест: А. Е. М. Конзистор: Секретаръ у Беогрд. Г. Рая Дамяновићъ Секретаръ нѣгов: сйят: Ефр: Ѳ. Обреновићъ: у Беогрд: Благород: Г. Димитріе Поповићъ пречест: А. Е. М. Конзистор: Писаръ у Беогрд: Благор. Г. Мойсей Іліевићъ кралѣв. Армиціе первы ревизоръ у Земун. Контумц. Почтенорд. Г. Мато Руссо познатя

велико Купацъ у Земуну, Почт. Г. Іованъ Стойковићъ Купацъ и Пиявичар. Аренд. у Сербіи. Лазаръ Милковићъ Купецъ Београдскій. Г. Павелъ Дамяновичъ житель земунскій. Почт. Г. Ігнятъ Ѳеодоровићъ житель Земун: Почт: Г. Стефанъ Іликъ земун: Контумц. Биртуз. Аренд. Почт. Г. Георгіе Костићъ Киршнеръ Майсторъ у Земун. Г. Стефанъ Радивоевићъ Тишлер Майсторъ у Београду. Г. Павле Іовановићъ писмонош: Земун. Г. Коста Ф. Стойковићъ. Г. Коста Везиликъ. Г. Димитріе Ф. Стойковнћъ Земун. Контумц. Латови. Г. Георгіе Маленићъ Шнаидеръ Маисторъ у Београду. Госпожа Екатерина. Г. Борна. Биспож. Екатеріна А. Іовановићъ, Госпож. Іуліана І. Стаикъ. Почт. Г. Гаврилъ Спасоевићъ ноблесъ Бирташъ. 22 кн.

Ковиль (Манастыръ.)

Пречестнѣйщій Г. Стефанъ Поповичъ Архімандрітъ 100 Кн.

Нови-Садъ.

Благор. Г. Іоаннъ Хаджикъ Сенатор. Бл. Г. Гавріилъ Ползовичь Адв. и избранаго Общ. член. Бл. Г. Іоаннъ Матичъ Адв. Бл. Г. Атанасій Трифковичъ Адв. Высокоуч. Г. Іоаннъ Чокоръ Профес. Мажарскогъ Езыка. Почтенор. Г. Іоаннъ Политъ Тр. и избр. Общ. членъ. Почт. Г. Іосифъ Мачванскій. Почт. Г. Никола Патратн. Почт. Г. Атанасій Георгіевичь. Почт. Г. Георгій Шевичъ. Почт. Г. Ефтимій Димитріевичъ. Почт. Г. Іоаннъ Ѣомпарићъ. 12 кн.

Сегединъ.

За любителѣ Књижества 10 кн.

Сентѣураѣъ (Манастыр.)

Пречестнѣйшій Г. Самуплъ Маширевичь Архімандрітъ 50 кн.

— 0 —

Шабацъ.

Послани одъ Г. Алексе ρистића Норм. Класо. учителя.

Пречестнѣишій Г. Симеонъ Илићъ Протопресвитер Шабачко-Посавскій. Пречест. Г. Іованнъ Павловићъ Протопресв. Шабачко-Подцерскіи. Честнѣишій Г. Игнятій Васићъ Парохъ Богосавачкій Чест. Г. Гаврiилъ Берићъ Парохъ Богатићскій. Благород. Г. Милошъ Богићевићъ Капетенъ Ядранскій Бл. Г. Савва Поповичъ Секретар С. Магистрата Шабачкогъ. Бл. Г. ρиста Поповићъ Секретаръ високе команде Подранско Савске. Высокоученыи Г. ρадованъ Пантелићъ Проф. у II. Грам. Кл. Шабачкой. Благ. Г. Г. Алекса ρистићъ у стариой Норм. Классе Учителъ. Матеа Станићъ у млађои Норм. Класси Учителъ. Аћимъ Моловићъ писаръ Карантина Любовіе. Матеи Матићъ писаръ Капетана Азбуковачкогъ. Стефанъ Штитарчевичъ Практикантъ Магістр. Шабачкогъ. Матеа Миливоевихъ Практикантъ Магістр. Шабачк. Почтенор. Г. Г. Георгій Бакаловичъ Живописацъ. Буко Стоичевичъ Тргов. ρисто Петровићъ Тргов. Іоаннъ Косић Тргов. Стефанъ ρекалсићъ Тргов. Софіа Илићъ рожд. Магазиновићъ. Іованъ Станишићъ Тргов. Стефанъ Антоніевичъ Тргов.

Шабацъ.

Послани одъ Высокоуч. Г. Адама Обрадовића,
I. Гумназ. Классе Професcора.

Благород. Г. Г. ρадованъ Малованчевићъ Писаръ Среза Тамнавскопосов. Стоянъ Обрадовичъ Писаръ Среза Мачванскогъ. Милованъ Кустурићъ Писаръ Среза Поцерскогъ. Сумеонъ ρадковићъ Писаръ Еписк. Шабачкогъ. Почтенор. Г. Г. Милошъ Петровићъ Трговацъ. Гаврiйлъ Матићъ. Кузманъ Лазаревићъ. Павелъ Михаиловићъ. Милошъ Марковићъ Терзіа. Коста Граовчевићъ Чарубджія. Никола Вуловићъ Тишлѣръ. Мића Матићъ Трговацъ. Іованнъ Новаковъ Тишлѣръ.

Георгіи Костић Тәрзія. Лазаръ Емкерић |Берберинъ.
Никола Пеновчевић М. Петаръ Баяловић Трговацъ.
Сумеонъ Леонтић Трг. Калфа. Живко Матић.
Трг. Калфа. Ненадъ Радоновић Калфа. 20 Кьг.

Шишатоваць (Манастыръ.)

Пречестивйшій Г. Пахоміе Іоанновичь Архімандрітъ 10.

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ

Р19 Срп 824/1.1

Друге Части цена є 1. ф. В. В. Пренумерацію пріима Сочинитель. Она трає до Месеца Априла. Новцы се напредъ полажу.